

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.159-170

И. В. Пантюхина*,
Л. Ю. Ларина**

Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ)

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», которая была введена в УК РФ Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ. Авторы рассмотрели конструкцию данной нормы с точки зрения признаков состава преступления и согласования этих признаков с положениями Общей части УК РФ. В результате системного исследования норм российского уголовного закона, сравнения с зарубежным опытом (Грузии), анализа правоприменительной практики выявлено несоответствие новой уголовно-правовой нормы положениям отдельных институтов уголовного права. В частности, содержание ст. 210.1 противоречит некоторым принципам уголовного закона (ст. 6, 7 УК РФ), основанию уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), нормам института приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ), а также целям уголовного наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Для устранения выявленных недостатков авторами предлагается включить в диспозицию ст. 210.1 УК РФ деяние в форме использования высшего положения в преступной иерархии. Предложенные изменения (включение деяния в виде «использования положения») позволит привлекать к ответственности лиц и постоянно и временно осуществляющих функции указанных лиц, оставить за рамками ее применения лиц, которые полностью отошли от преступной деятельности и никаким образом не влияют на криминальную среду, позволит привести норму в соответствие с традиционным пониманием состава преступления, а также теми положениями Общей части УК РФ, с которыми регламентированная норма в действующей редакции не согласована.

Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии; вор в законе; статус личности; преступная иерархия; преступное деяние; уголовно-правовая норма.

Для цитирования: Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 159—170. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.159-170.

© Пантюхина И. В., Ларина Л. Ю., 2020

* Пантюхина Инга Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
ул. Свободы, д. 46, г. Рязань, Россия, 390000
i.pantuyuhina@365.rsu.edu.ru

** Ларина Любовь Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина
ул. Свободы, д. 46, г. Рязань, Россия, 390000
larina1708@yandex.ru

**Issues of Regulation and Application of the Criminal Law Norm providing
for Responsibility for Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy
(Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)**

Inga V. Pantyukhina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Ryazan State University named after S. A. Esenin
ul. Svobody, d. 46, Ryazan, Russia, 390000
i.pantyuhina@365.rsu.edu.ru

Lyubov Yu. Larina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Ryazan State University named after S. A. Esenin
ul. Svobody, d. 46, Ryazan, Russia, 390000
larina1708@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to a detailed analysis of article 210.1 "Occupation of the highest position in the criminal hierarchy", which was introduced in the Criminal Code of the Russian Federation by Federal law No. 46-FZ of 01.04.2019. The authors considered the construction of this norm from the point of view of the elements of the crime and the coordination of these features with the provisions of the General part of the Criminal Code of the Russian Federation. As a result of a systematic study of the norms of the Russian criminal law, comparison with foreign experience (Georgia), and analysis of law enforcement practice, the discrepancy between the new criminal law norm and the provisions of certain institutions of criminal law was revealed. In particular, the content of article 210.1 contradicts certain principles of the criminal law (articles 6, 7 of the Criminal Code), the basis of criminal liability (article 8 of the Criminal Code), the norms of the Institute of preparation for a crime (part 1 of article 30 of the Criminal Code), as well as the goals of criminal punishment (part 2 of article 43 of the Criminal Code). To eliminate the identified shortcomings, the authors propose to include in the disposition of article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation an act in the form of using the highest position in the criminal hierarchy. The proposed changes (including an act in the form of "use of the position») make it possible to prosecute persons both permanently and temporarily performing the functions of such persons, to leave outside the scope of its application persons who fully walked away from crime and not in any way affect criminal damage. They will allow you to bring the rule into compliance with the traditional understanding of the offense and those provisions of the General part of the Criminal Code, in which the regulated norms in the current edition are not made consistent.

Keywords: highest position in the criminal hierarchy; 'thief in law'; personal status; criminal hierarchy; criminal act; criminal law norm.

Cite as: Pantyukhina IV, Larina LYu. Problemy reglamentatsii i primeneniya ugovovno-pravovoy normy, predusmatrivayushchey otvetstvennost za zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoy ierarkhii (st. 210.1 UK RF) [Issues of Regulation and Application of the Criminal Law Norm providing for Responsibility for Occupying the Highest Position in the Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Lex russica*. 2020;73(10):159-170. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.159-170. (In Russ., abstract in Eng.).

В последние годы в специальной юридической литературе все чаще встречается критика законодательных нововведений, в том числе и норм уголовного закона. Претензии ученых к законодателю касаются различных аспектов: неверного определения места расположения в уголовном законе новых норм, недостаточности или, наоборот, избыточности уголовной репрессии. Однако чаще всего критические замечания обращены к неудачному конструированию уголовно-правовых норм, особенно при формулировании новых составов преступлений, которое непосредственно связано с нарушением законодательной техники их постро-

ения. В полной мере это касается введенной Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ в УК РФ ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Включение такого преступления в УК РФ обусловлено необходимостью усиления борьбы с организованной преступностью, с одной стороны, и неэффективностью действующих мер (на момент принятия Закона № 46-ФЗ), с другой стороны. Еще в 2009 г. законодатель в ч. 4 ст. 210 УК РФ установил уголовную ответственность за организацию преступленного сообщества лицом, занимающим высшее место в преступной иерархии. Однако эта норма не нашла

практического применения из-за невозможности установления связи лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, с конкретными преступлениями, совершаемыми преступными сообществами (организациями), а также непосредственного их участия в создании таких сообществ и управлении ими или какой-либо причастности к их деятельности, чего требует указанная норма. Поэтому можно констатировать, что ожидания от применения данной нормы не оправдались. За период нахождения в УК РФ ч. 4 ст. 210 лишь два случая обвинения в предусмотренном ею преступлении дошли до вынесения приговора. В одном из них был вынесен оправдательный приговор (2015 г.), в другом — обвинительный (2018 г.)¹. Именно в связи с тем, что указанные в норме лица остаются в тени конкретной криминальной деятельности преступных сообществ, а к уголовной ответственности привлекаются лишь рядовые их участники и исполнители преступлений, законодатель и предпринял новую попытку установления ответственности для фактических руководителей преступных сообществ и организаций, но теперь за сам статус такого руководителя.

Первопроходцем в установлении ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии является грузинский законодатель. В отличие от российского законодательства в Грузии указан конкретный статус лица — «вор в законе», что дает основания полагать, что российский законодатель либо не ограничивает субъекта нового преступления этим статусом, либо считает невозможным использовать указанную терминологию на официальном уровне. Вместе с тем необходимо отметить, что в Грузии различная терминология, связанная с организованной и профессиональной преступностью, раскрывается в Законе от 20.12.2005 № 2354 «Об организованной преступности и рэке»², тогда как в России по-

добного закона нет, что, естественно, повлечет в правоприменительной практике и доктрине дискуссии или даже противоречия при толковании новой нормы.

Грузинский опыт борьбы с организованной преступностью, основанный на вышеуказанном Законе и действии ст. 223.1 УК Грузии, согласно которой установлена ответственность за членство в воровском сообществе, прошедший проверку на практике, по утверждению аналитиков, в целом показал свою эффективность³. Так, ссылаясь на факты, приведенные Е. А. Мишиной и А. Сухаренко (о том, что уже в 2006 г. в Грузии не осталось воров в законе, в связи привлечением к ответственности одних и побегом от уголовной ответственности в зарубежные страны других), М. Г. Козловская констатирует нанесение мощного удара, которым государство продемонстрировало возможность применения эффективных законодательных мер против организованной преступности. На основе этого, а также с учетом того, что опыт Грузии был одобрен Европейским Судом по правам человека⁴, М. Г. Козловская констатировала целесообразность его использования в современной России⁵.

Не прибегая к оценке нормы грузинского законодательства, полагаем, что введение термина «вор в законе» или легальное толкование в уголовном законе понятия «высшее положение в преступной иерархии» (о котором спорят российские ученые) вряд ли будет уместным в российском уголовном законе. В данном случае следует согласиться с Ю. В. Голиком в том, что переходить на воровские понятия по ряду причин невозможно и «оскорбительно для всего общества и народа нашей страны»⁶. Поддерживая его позицию, дополним ее собственным аргументом. Полагаем, что для отечественного законодателя использовать понятие «вор в законе» недопустимо, поскольку его использова-

¹ См.: Данные судебной статистики: форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418>; <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 21.02.2020).

² Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354 «Об организованной преступности и рэке» // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 02.02.2020).

³ См.: Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2018. № 2 (55). С. 176, 178.

⁴ См.: постановлении ЕСПЧ от 15.07.2014 по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11.

⁵ См.: Козловская М. Г. Указ. соч. С. 178.

⁶ См. подробнее: Голик Ю. В. «Вор в законе», или Закон «по понятиям». Уголовный кодекс не должен переходить на язык «уголовников» // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 187—188.

ние на уровне федерального закона будет знаменовать фактически официальное признание этого титула, то есть его легализацию. Вместе с тем конкретизация терминологии, от которой зависит уголовная ответственность, необходима, поэтому считаем, что России нужен закон, в котором следовало бы раскрыть понятия, связанные с организованной и профессиональной преступностью, по примеру Грузии. Тем более что в действующем уголовном законе достаточно много бланкетных норм, использование которых требует обращения к иным законам.

В России новая норма неоднозначно была воспринята научным сообществом. Первые оценки ст. 210.1 УК РФ появились в специальной литературе сразу же после появления соответствующей законодательной инициативы Президента РФ В. В. Путина. Несмотря на общую поддержку самой идеи и необходимости регламентации специальных мер борьбы с лидерами преступного мира⁷, серьезные критические замечания вызвало содержание предложенной нормы⁸, что, однако, не помешало законодателю принять ее именно в той формулировке, которая была предложена Президентом РФ. Между тем принятая норма противоречит как устоявшимся положениям доктрины уголовного права о составе преступления и его признаках, так и некоторым другим положениям УК РФ.

Для данного утверждения есть целый ряд оснований. Прежде всего, таковым является положение ст. 8 УК РФ, согласно которому единственным основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Анализ диспозиции нормы ст. 210.1 УК РФ позволяет констатировать неудачность ее построения. Во-первых, ее диспозиция полностью воспроизводит название статьи, а значит, состава преступления, тогда как диспозиция должна не воспроизводить его название, а наполнять конкретным содержанием. Во-вторых, ее форму-

лировка не позволяет выделить необходимые признаки состава преступления, по меньшей мере в традиционном их понимании, сложившемся в отечественной доктрине уголовного права.

Из понимания объекта преступления как круга общественных отношений, на который посягает деяние и который предопределен структурой построения Особенной части УК РФ, следует, что объектом нового преступления законодатель определил отношения общественной безопасности. Это единственный элемент и признак состава преступления, который не вызывает нареканий и возражений.

Объективная сторона преступления — это элемент состава преступления, отражающий поведение лица, которое является опасным для общества и поэтому подлежит запрету. Именно к описанию такого поведения всегда прибегает законодатель при конструировании уголовно-правовых норм. Чем удачнее описано запрещенное поведение, тем более понятен запрет его адресату, что в наибольшей степени обеспечивает его осознание и соблюдение.

Формами деяния традиционно признаются действие или бездействие, описание которых используется при конструировании преступлений. В качестве формулировки, определяющей сущность деяния (преступного поведения), предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, законодателем использован такой термин, как «занятие». В русском языке это слово является производным от глагола «занять», который толкуется как вступление в должность (занять вакансию, пост и т.д.). Как существительное (в форме которого оно и использовано законодателем) это слово применяется в том же смысле — занятие определенного положения⁹, и, таким образом, оно определяет социальный статус личности. Вместе с тем смысл словосочетания «занятие положения» позволяет толковать его двояко. Во-первых, как процесс, то есть совершение нескольких действий, в результате которых

⁷ См.: Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 467; Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 151.

⁸ См.: Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник ЯрГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (48). С. 55—56; Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Указ. соч. С. 151.

⁹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Однотомный толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений // URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%8F%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 12.02.2020).

лицо может занять то положение (в обществе, коллективе), к которому оно стремится. И вторых, как конечный результат, то есть то, что лицо уже достигло определенного положения в социальной структуре и находится в статусе, к которому стремилось посредством ранее совершенных действий. Таким образом, использованная законодателем терминология обладает дуалистическим характером.

Опираясь на мнения ученых, следует признать, что понятие «занятие» в рассматриваемой норме использовано законодателем во втором из представленных значений, то есть как конечный результат. Из этого следует, что как такового поведения, которое обладает общественной опасностью для окружающих и в целом для общества, в рассматриваемой уголовно-правовой норме не обозначено. В ней установлен определенный статус лица, за который и должна наступать уголовная ответственность. Тогда как «факт занятия высшего положения в преступной иерархии не может быть основанием уголовной ответственности, поскольку является не деянием, а характеристикой (пусть и максимально асоциальной) личности. Это определенное состояние, но не акт человеческого поведения»¹⁰. Данная позиция, по нашему мнению, абсолютно верна. Сам автор (А. В. Иванчин) подтверждает ее анализом позиций советских и современных специалистов доктрины уголовного права, на основе которого констатирует, что именно акт человеческого поведения признается единственным основанием криминализации. Однако, поддерживая плюрализм научного мнения, отметим, что в теории уголовного права встречаются и иные позиции. В частности, некоторые авторы полагают, что рассматриваемая категория лиц обладает повышенной общественной опасностью, поэтому приобретение такого статуса может быть основанием криминализации¹¹. Указанную точку зрения вряд ли можно поддержать, поскольку особенность этого статуса выражается в том, что лицо способно его обрести только посредством осуществления преступной деятельности, в том числе той, за которую оно уже привлекалось к уголовной ответственности. Таким образом, в рассматриваемой норме ответственность

устанавливается фактически за совокупность тех деяний, которые лицу позволили занять соответствующий статус в преступном мире, причем несмотря на то, что лицо уже могло отбыть наказание за их совершение. В связи с этим в данной уголовно-правовой норме усматривается противоречие с закрепленным в ч. 2 ст. 6 УК РФ принципом справедливости, поскольку никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Единственным позитивным аспектом в данном случае является то, что имеется в виду вся совокупность совершенных ранее лицом преступлений (в том числе и тех, за которые лицо не подвергалось наказанию, так как они остались скрытыми от правоохранительных органов, поскольку, чем выше лицо в иерархии преступного мира, тем реже оно входит в число непосредственных исполнителей преступлений и, стало быть, все чаще остается вне поля зрения правоохранительных органов).

По мнению В. В. Бычкова, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, выражается именно «в наличии определенного статуса лица»¹², что также не согласуется с общепринятой концепцией объективной стороны преступления, так как статус — это не деяние. Конечно, наличие (или, как зафиксировано в норме, занятие) статуса может предполагать совершение каких-либо действий, которые могут и должны образовывать объективную сторону нового состава преступления. Именно их и должен был конкретизировать или хотя бы обозначить законодатель в диспозиции ст. 210.1 УК РФ, но не сделал этого, тем самым фактически не определив границы общественно опасного поведения соответствующего лица.

Здесь уместно будет сказать о том, что в УК РФ достаточно много норм, в которых конструктивное значение имеет определенный статус личности. Однако ответственность в них всегда связывается с использованием такого статуса для совершения преступления (когда он делает возможным его совершение) или обличения совершения преступления. Формы его использования представляют собой поведение, тем самым образуя объективную сторону преступления. В качестве примера мож-

¹⁰ Иванчин А. В. Указ. соч. С. 55.

¹¹ См.: Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Указ. соч. С. 468.

¹² Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 28.

но привести злоупотребление полномочиями или должностными полномочиями (ст. 201, 285 УК РФ), использование служебного положения в качестве квалифицирующего признака многих составов преступлений (п. «г» ч. 3 ст. 146, ч. 3 ст. 159 УК РФ и др.), совершение деяния педагогом, родителем (ч. 2 ст. 151 УК РФ) и т.д.

Следуя сложившейся концепции установления уголовной ответственности за деяние, которое может быть обусловлено статусом, правильнее было бы диспозицию ст. 210.1 УК РФ сформулировать в виде «использования лицом высшего положения в преступной иерархии».

Использование статуса предполагает возможность лица, занимающего его, влиять на принятие решений другими лицами, что обусловлено авторитетом носителя соответствующего статуса. Таким образом, предложенная формулировка позволит охватить все формы проявления такого статуса в самом широком смысле, поскольку деятельностью рассматриваемых лиц «может охватываться контроль за местами лишения свободы, снабжение заключенных продуктовыми передачами и другие, не связанные с преступлениями мероприятия»¹³. Она также позволит охватить влияние статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в самой преступной среде: дачу советов, участие в разделе сфер влияния и прибыли от преступной деятельности, разрешение споров (осуществление криминального арбитража) и т.д., то есть действий, которые не охватываются действующим уголовным законом, но играют существенную роль в функционировании преступных организованных структур, порядка их взаимоотношений, поддержания традиций преступного мира, оказывают воздействие на других лиц, непосредственно участвующих в преступной деятельности и пр.

Предлагаемое уточнение — указание на использование лицом своего положения, полностью согласуется с самой идеей об усилении ответственности лидеров преступного мира, поскольку в пояснительной записке к законопроекту практически об этом и шла речь, т.е. о каких-либо конкретных действиях. В частности, в ней указывалось, что «лидеры преступных

сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность»¹⁴. Таким образом, общественная опасность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, объяснялась через их действия, а не статус как таковой.

Изложенное позволяет утверждать о неоднозначности подходов к пониманию и толкованию объективной стороны нового преступления, тогда как с этим элементом состава преступления связано достаточно много значимых вопросов как теоретического, так и практического характера.

Одним из таких вопросов является момент окончания преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. По своей сути занятие высшего положения в преступной иерархии является состоянием лица, его статусом, а не поведением (аналогичным занятию должностного положения). Такое состояние лица, как занятие определенного положения, предполагает растянутость во времени, в чем усматривается длящийся характер предусмотренного рассматриваемой нормой преступления. По общепризнанному правилу длящиеся преступления признаются оконченными с момента прекращения преступного поведения исполнителем такого преступления или с момента пресечения преступного поведения виновного сторонними лицами. И если с отказом лица от своего статуса в виде занятия высшего положения в преступной иерархии все представляется достаточно понятным (он может публично в воровской или преступной среде отказаться от этого статуса), то с пресечением его преступного поведения дело обстоит иначе. Привлечение лица к ответственности по ст. 210.1 УК РФ не является препятствием к сохранению лицом того статуса, в котором оно привлечено к ответственности. Иными словами, привлечение к ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии не лишает лицо этого положения,

¹³ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу 51-АПУ18-4 29 мая 2018 г. // СПС «Гарант». Версия от 20.01.2020.

¹⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)» // URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/02E5CA7F-6D03-446D-B284-DDE2A6420D59> (дата обращения: 10.02.2020).

и, таким образом, в процессе привлечения к ответственности за этот статус и в процессе отбывания наказания оно остается пребывать в нем. Изложенное позволяет констатировать, что в данном случае уголовная ответственность не способна пресечь преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ. Уместно здесь будет вспомнить и о целях уголовного наказания, предусмотренных в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Таковыми являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Указанные цели становятся недостижимыми, поскольку преступление, за которое назначается наказание, продолжается и после его применения (в том числе и в процессе его отбывания).

Еще один заслуживающий внимания аспект рассматриваемого статуса касается того, что его обладатель без утраты этого статуса способен отойти от дел. Поэтому следует согласиться с учеными, утверждающими, что привлекать к ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, если они непричастны к конкретным деяниям, недопустимо, так как согласно действующему УК РФ наказываемая конкретная преступная деятельность¹⁵. Поскольку статья 210.1 УК РФ не содержит никаких исключений в части привлечения к ответственности (в виде специальных оснований освобождения от ответственности), указанная категория лиц также подлежит ответственности, что лишено и логики, и целесообразности. Особенно в случаях, когда лицо не занимается криминальными делами из-за старости или болезни, когда оно просто не в состоянии принимать участие в преступной деятельности. При этом статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, оно не утрачивает, и его привлечение к ответственности за данный статус нарушает принципы законности, справедливости и гуманизма.

Вместе с тем отошедшее от преступных дел лицо, сохранившее высшее положение в преступной иерархии, являясь авторитетом в преступной среде, может сохранить свое влияние на общую криминальную обстановку в отдельно взятом регионе. Например, использовать свой статус для оказания помощи обвиняемым, осужденным, их семьям или иным способом, не имеющим отношения к преступной

деятельности. При этом предложенное выше уточнение формулировки содержания диспозиции ст. 210.1 УК РФ также позволит охватить уголовной ответственностью и эту категорию лиц, что будет способствовать минимизации их влияния.

Таким образом, можно констатировать фактическое отсутствие в рассматриваемой конструкции признаков деяния, что не может не влечь серьезных проблем для практического применения ст. 210.1 УК РФ. Главной задачей для правоприменителя является правильная квалификация преступления, то есть точное установление тождества между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного нормой уголовного закона. При отсутствии деяния возникает вопрос о том, что и с чем следует отождествлять? В данном случае для привлечения к ответственности будет достаточно установить принадлежность лица к высшим слоям в преступной иерархии, то есть единственный указанный в норме признак. В силу таких обстоятельств актуализируется вопрос о практическом применении ст. 210.1 УК РФ, поскольку констатации факта занятия высшего положения в преступной иерархии для привлечения к ответственности представляется явно недостаточным. Для вменения указанной нормы требуется конкретизировать как минимум то, чем это положение подтверждается, какие действия лица могут свидетельствовать о том, что оно действительно занимает такое положение.

Сегодня из-за отсутствия вступивших в законную силу приговоров по ст. 210.1 УК РФ сложно судить о том, каким образом на практике будет формулироваться (аргументироваться) и чем будет подтверждаться занятие высшего положения в преступной иерархии. Некоторые предположения можно выстроить на основе первых попыток инкриминирования данной нормы. Так, первое сообщение в средствах массовой информации о возбуждении уголовного дела по признакам ст. 210.1 УК РФ состоялось в июле 2019 г. в Томске в отношении жителя этого города. Указывалось, что он имеет статус «вора в законе» и сферу своего влияния на территории Томской области, занимая высшее положение в преступной иерархии¹⁶. Далее последовало возбуждение нескольких

¹⁵ См.: Иванчин А. В. Указ. соч. С. 56.

¹⁶ См.: Про первое в России дело по статье 210.1 Уголовного кодекса // URL: <https://yulianovsemen.livejournal.com/57736.html> (дата обращения: 08.02.2020).

уголовных дел в Москве. Например, 30 августа 2019 г. в Москве по признакам преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, было возбуждено уголовное дело в отношении Д., которому «инкриминируется высшее положение в преступной иерархии, а именно наличие с 2014 г. по настоящее время уголовного статуса “вора в законе”, распространяющего и сохраняющего преступные традиции и обычаи, имеющего опыт преступной деятельности и сферу своего преступного влияния в том числе на территории Московского региона, Ростовской области и Красноярского края»¹⁷. Однако в обоих случаях использованы лишь общие и абстрактные формулировки о том, что соответствующие лица являются «ворами в законе» и имеют сферы преступного влияния. Во втором случае также сказано о распространении и сохранении преступных традиций и обычаев. При этом ни в том, ни в другом случае не конкретизированы формы влияния, не указаны и не приведены подтверждающие факты, не конкретизированы сохраняемые и распространяемые обычаи и традиции. В результате изложенного создается впечатление, что правоприменитель и сам толком не знает, что и как ему следует излагать и чем изложенное подтверждать.

Единственным обвинительным приговором лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, как упоминалось выше, стал приговор в отношении Ч., который создал и руководил преступным сообществом, причем в период отбывания наказания в виде лишения свободы. Суд исходил из сведений о том, что Ч., являясь «вором в законе», назначил Х. «полуженцем» в Алтайском крае, поддерживал с ним связь по телефону, обсуждал различные вопросы, в том числе о назначении «смотрящими» в различных городах края, и другие, касающиеся неформальной среды обстоятельства. По мнению суда, именно в этих действиях выразилось руководство Ч. преступным сообществом¹⁸, в силу чего он был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4

ст. 210 УК РФ. Однако в инкриминируемой ему норме определены те действия, которые подлежат доказыванию и установлению, в отличие от ст. 210.1 УК РФ.

В статье 210.1 УК РФ фактически описаны лишь признаки субъекта преступления. Таковым является лицо, совершившее общественно опасное деяние. Однако с данным постулатом рассматриваемая норма не согласуется, так как в ней не указано конкретное деяние. Обращает на себя внимание то, что законодатель не дает понятия «лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии». Единственное официальное пояснение данной характеристики рассматриваемого лица дано Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)»¹⁹, в котором судам предписано устанавливать занимаемое лицами в преступной иерархии положение, преступные действия, свидетельствующие об авторитете и лидерстве в преступном сообществе. Свидетельством лидерства могут служить коррупционные связи и связи с террористическими и экстремистскими организациями. Такое толкование было дано применительно к ч. 4 ст. 210 УК РФ. Вместе с тем изложенные рекомендации не дают точного и однозначного представления об указанной категории лиц, в результате чего в специальной литературе представлены разнообразные толкования рассматриваемой категории лиц.

Впервые рассматриваемый субъект преступления появился в УК РФ в 2009 г. посредством включения в ст. 210 части 4, и на протяжении более 10 лет указанный признак субъекта подвергался обоснованной критике за абстрактность, оценочность и не уголовно-правовой характер²⁰. Одновременно в связи с перечисленными недостатками ученые предлагали включить в вышеуказанное постановление Пленума Верховного Суда РФ ряд признаков и критериев такого субъекта²¹. При этом мнение

¹⁷ Апелляционное постановление Московского городского суда по делу № 10-22491/2019 от 18.11.2019 // СПС «Гарант». Версия от 20.01.2020.

¹⁸ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу 51-АПУ18-4 от 29.05.2018 // СПС «Гарант». Версия от 20.01.2020.

¹⁹ СПС «Гарант». Версия от 20.01.2020.

²⁰ См., например: *Никитенко И., Якушева Т.* Указ. соч. С. 61.

²¹ См.: *Максимова К. А.* К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых : сборник статей, посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и

исследователей расходятся относительно того, кого именно следует относить к рассматриваемой категории лиц. Так, А. Мондохонов считает, что предложенная законодателем формулировка должна охватывать «воров в законе», а также криминальных лидеров организованных преступных объединений, не относящихся к воровской среде²². Таким образом, автор не ограничивается отнесением к рассматриваемому субъекту одной категории лиц, что вполне согласуется с трактовкой Пленума Верховного Суда РФ, в которой указывается криминальное лидерство. К. А. Максимова полагает, что такими субъектами должны быть именно «воры в законе». Все остальные лица, именуемые «положенцами», «смотрящими», криминальными авторитетами (как собирательное понятие), кандидаты в «воров в законе» и лица, приближенные к «ворам в законе» и пользующиеся их доверием и признанием в криминальной среде, а также лица, временно уполномоченные «ворами в законе» исполнять функции лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, не должны относиться к категории рассматриваемых лиц²³. А. Я. Гришко также настаивает на том, что только «вор в законе» должен быть отнесен к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, поскольку этот статус является пожизненным и присваивается в особом порядке, его носитель впоследствии сам заявляет его, тогда как другие статусы («смотрящего», «положенца») лица получают от «вора в законе»²⁴, то есть, по сути, назначаются им. В противовес их позициям приведем заявление адвоката единственного осужденного в нашей стране лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, по ч. 4 ст. 210.1 УК РФ: «По общепринятым понятиям “вор в законе”, “положенец”, “смотрящий” являются авторитетами в уголовной, тюремной среде, что не предусматривает обязательного ими совершения преступлений...

Носители вышеуказанных “титлов” не могут считаться совершившими преступление лишь в силу их уголовного “статуса”, пока не совершат преступления»²⁵.

Изложенное позволяет констатировать, что в теории уголовного права до сих пор не выработано единого подхода к толкованию понятия лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Верховный Суд РФ каких-либо четких рекомендаций такого толкования также не выработал, что означает передачу решения этого вопроса на усмотрение суда, который рассматривает или будет рассматривать дело. Такое положение, безусловно, требует исправления, поэтому возвращает нас к убеждению в крайней необходимости закона о борьбе с организованной преступностью, регламентирующего признаки и критерии отнесения лиц к рассматриваемой категории. До его принятия такую терминологию, в том числе и с использованием определений соответствующих лиц на принятом в криминальной среде языке, который не может быть применим в законе, необходимо растолковать в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Занять высшее положение в преступной иерархии лицо может только осознанно. На это указывает осуществление данным лицом активной криминальной деятельности, посредством которой оно продвигается внутри криминальной иерархии. Поэтому с субъективной стороны новое преступление предполагает только прямой умысел лица на занятие высшего положения в преступной иерархии.

Применительно к рассматриваемой норме одним из интереснейших является вопрос о моменте, с которого возникает основание привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ. Вероятно, с момента получения лицом соответствующего статуса (например, провозглашения лица «вором в законе», при отнесении к рассматриваемой категории лиц

права. Барнаул : Изд-во ААЭП, 2013. С. 81 ; Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4 (30). С. 57 ; Гришко А. Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 85—86.

²² См.: Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 57.

²³ Максимова К. А. Указ. соч. С. 81.

²⁴ См.: Гришко А. Я. Указ. соч. С. 86.

²⁵ Апелляционное определение Верховного Суда РФ по делу 51-АПУ18-4 от 29.05.2018 // СПС «Гарант». Версия от 20.01.2020.

и иных представителей преступного мира — их назначение или наделение соответствующими функциями). Однако такой момент, как и сам статус, ничем не регламентирован, поскольку последний является неофициальным.

Анализ санкции ст. 210.1 УК РФ позволяет отнести содержащееся в ней преступление к категории особо тяжких, из чего следует, что уголовная ответственность возможна уже на стадии приготовления к совершению этого преступления. Вместе с тем анализ ч. 1 ст. 30 УК РФ, регламентирующей приготовительные действия, указывает на то, что содержание нормы ст. 210.1 УК РФ с ними не согласуется. Приготовлением к преступлению, предусмотренному ст. 210.1 УК РФ, является преступная деятельность, осознанно совершаемая лицом, посредством которой он и достигает указанного в норме статуса — высшего положения в преступной иерархии.

В частности, лицо, стремящееся к такому статусу, способно умышленно создать условия для совершения преступления, относящегося к категории тяжкого или особо тяжкого, другими лицами. При этом оно должно нести ответственность за приготовление к тому преступлению, которое совершили эти иные лица или за соучастие в нем, тогда как эту деятельность оно может совершать лишь с целью занятия высшего положения в преступной иерархии. Однако такое лицо должно подлежать ответственности за соучастие в том преступлении, в совершении которого оказало содействие, а повторная их квалификация в качестве приготовления к совершению преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, невозможна.

Вместе с тем указанная деятельность (по содействию в совершении преступления другими лицами) как таковая не входит в действия, которые указаны в ч. 1 ст. 30 УК РФ, в качестве приготовления к преступлению, предусмотренному ст. 210.1 УК РФ, что лишает правоприменителя возможности пресечь деятельность лица, направленную на занятие высшего положения в преступной иерархии. Такая ситуация лишена логики, поскольку лицо достигает статуса осознанно, целенаправленно совершая преступные действия (что образует заранее обдуманый умысел и совершение действий, направленных на его реализацию). Таким образом, получается следующая ситуация: фактически стадия приготовления к рассматриваемому преступлению есть, но ответственности за нее быть не может. В данном случае усматривается несогласованность новой нормы с положениями института неоконченного преступления, регламентированного действующим уголовным законом.

Выявленные недостатки регламентации рассматриваемого преступления ставят перед законодателем задачу ее корректировки. Предложенное нами изменение (включение деяния в виде использования положения) позволит привлекать к ответственности лиц и постоянно и временно осуществляющих функции указанных лиц, оставляя за рамками ее применения лиц, которые полностью отошли от преступной деятельности и никаким образом не влияют на криминальную среду, что позволит привести норму в соответствие с традиционным пониманием состава преступления, а также теми положениями Общей части УК РФ, с которыми регламентированная норма в действующей редакции не согласована.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13. — № 3. — С. 465—476.
2. Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2019. — № 3. — С. 26—31.
3. Голик Ю. В. «Вор в законе», или Закон «по понятиям». Уголовный кодекс не должен переходить на язык «уголовников» // Российский криминологический взгляд. — 2009. — № 4. — С. 187—188.
4. Григорьев Д. А., Морозов В. И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 4 (30). — С. 50—58.
5. Гришко А. Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. — 2016. — № 3 (94). — С. 84—88.

6. Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью: критический анализ актуальных инициатив // Вестник ЯрГУ. — Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — № 2 (48). — С. 54—58.
7. Кармановский М. С., Косьяненко Е. В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2019. — № 2 (82). — С. 147—152.
8. Козловская М. Г. Опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2018. — № 2 (55). — С. 175—179.
9. Максимова К. А. К вопросу о содержании понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», используемого законодателем в ч. 4 ст. 210 УК РФ // Вопросы юридической науки: взгляд молодых ученых : сборник статей, посвященный 20-летию Алтайской академии экономики и права. — Барнаул : Изд-во ААЭП, 2013. — С. 75—81.
10. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней (ней) // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 53—57.
11. Никитенко И., Якушева Т. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации // Уголовное право. — 2010. — № 5. — С. 58—62.

Материал поступил в редакцию 21 марта 2020 г.

REFERENCES

1. Burlakov VN, Shchepelkov VF. Lider prestupnogo soobshchestva i osnovanie otvetstvennosti: postmodern v ugovnom prave [Leader of the criminal community and the basis of responsibility: postmodern in criminal law]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2019;13(3):465-476. (In Russ.)
2. Bychkov VV. Uголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) [Criminal-legal characteristics of the highest position in the criminal hierarchy (article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Moskovskoy akademii sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. 2019;3:26-31. (In Russ.)
3. Golik YuV. «Vor v zakone», ili Zakon «po ponyatiyam». Uголовный кодекс не должен переходить на язык «уголовников» ["Thief in law", or the Law "according to concepts". The criminal code should not switch to the language of "criminals"]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad [Russian Criminological Outlook]*. 2009;4:187-188. (In Russ.)
4. Grigorev DA, Morozov VI. Kak opredelit litso, zanimayushchee vysshee polozhenie v prestupnoy ierarkhii? [How do I identify the person who occupies the highest position in the criminal hierarchy?]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2014;4(30):50-58. (In Russ.)
5. Grishko AY. Kriminologicheskaya kharakteristika litsa, zanimayushchego vysshee polozhenie v prestupnoy ierarkhii (chast 4 stati 210 Uголовного кодекса Rossiyskoy Federatsii) [Criminological characteristics of a person who occupies the highest position in the criminal hierarchy (part 4 of article 210 of The Criminal Code of the Russian Federation)]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2016;3(94):84-88. (In Russ.)
6. Ivanchin AV. Optimizatsiya uголовно-pravovykh sredstv borby s organizovannoy prestupnostyu: kriticheskiy analiz aktualnykh initsiativ [Optimization of criminal legal means of combating organized crime: A critical analysis of current initiatives]. *Vestnik YArGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 2019;2(48):54-58. (In Russ.)
7. Karmanovskiy MS, Kosyanenko EV. Otvetstvennost za deyaniya, predusmotrennye statyami 210 i 210.1 UK RF [Responsibility for acts stipulated by articles 210 and 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2019;2(82):147—152. (In Russ.)
8. Kozlovskaya MG. Opyt borby s organizovannoy prestupnostyu v Gruzii [Experience in fighting organized crime in Georgia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo [Herald of Omsk University. Series: Law]*. 2018;2(55):175-179. (In Russ.)
9. Maksimova KA. K voprosu o soderzhanii ponyatiya «litso, zanimayushchee vysshee polozhenie v prestupnoy ierarkhii», ispolzuemogo zakonodatelem v ch. 4 st. 210 UK RF [To the question of the content of the concept "person occupying the highest position in the criminal hierarchy" used by the legislator in part 4 of article

- 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In: Voprosy yuridicheskoy nauki: vzglyad molodykh uchenykh : sbornik statey, posvyashchennyy 20-letiyu Altayskoy akademii ekonomiki i prava. [Questions of legal science: the view of young scientists: A collection of papers dedicated to the 20th anniversary of the Altay Academy of Economics and Law]. Barnaul: AAEP publishing house; 2013. P. 75-81. (In Russ.)
10. Mondokhonov A. Spetsialnyy subekt organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoy organizatsii) ili uchastiya v ney [Special subject of the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*. 2010;5:53-57. (In Russ.)
 11. Nikitenko I, Yakusheva T. Organizatsiya prestupnogo soobshchestva: problemy kvalifikatsii [Organization of a criminal community: problems of classification]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*. 2010;5:58-62. (In Russ.)